

За сов. искусство -
1991. - 18 нояб. (№4)

Палитра

насыщенных, сверкающих звуков

Мэри Миллер считает, что и поздно вечером Кировский Камерный хор поет великолепно.

Кировскому Эдинбург может показаться городом, помешанным на полиэтилене. Национальный Монумент, возможно с некоторым вызывающим достоинством, носит свое пластиковое одеяние, но вокруг Плейхауза, который и так доставляет своим зрителям достаточно неприятных сюрпризов, серые лохмотья развеваются всюду.

Так что, возможно, для Кировского Камерного хора, выступившего в среду поздно вечером в соборе Сент-Джайлз с программой русской духовной музыки, не было удивительным петь перед огромным мрачным полотнищем из пластика — пусть их утешит известие о том, что там пробивают стену южного нефа для установки нового органа.

И именно этот вечер вызвал благоговение у огромного числа зрителей, которые сидели, стояли, громоздились на радиаторы, выглядывали из-за колонн.

Культура этого пения почти сверхъестественна. Начиная просто по выразительности, которая обманчива в своей чистоте, этот замечательный и благородный хор создает целую палитру насыщенных, сверкающих звуков, расцветивая, проансируя, потрясая слушателей моментами обжигающей страстности, как будто резко распаивается печная дверца.

Музыка композиторов от XVIII в. до начала XX в., некоторые из которых мало известны за пределами Советского Союза, совсем не претендовала на работу ума. Она скорее изображала спектр национальных чувств от яркости до страха.

Напрашивались аналогии с негритянскими спиричуэлз, особенно в хоре «Нуне Димиттиз» Архангельского, с его приглушенным соло сопрано и тихим сопровождением хора, и менее различимые отголоски: «Откройся мне» Ведела начался воодушевленными стансами, похожими на «Скалу Веков», и завершился сдержанностью, приглушившей партии сопрано.

И если временами в музыке слышалась мягкая чувствительность, она никогда не переходила границы нежности. Что запомнилось, звучит еще в ушах — это завершение программы мощными хорами Павла Григорьевича Чеснокова: сила, темные басы, отшлифованные радужные каденции и ликующий возглас тенора Владимира Соолодовникова: «С нами Бог!»

(«СКОТСМЭН»,
16 августа 1991)